

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ТОЛУБЕЕВА

Андрей Юрьевич Толубеев не успел занять положения старейшины Большого драматического театра. Как раз входил в соответствующий возраст. Не успел также всерьёз заняться историей, до конца насладиться озёрной благодатью Ленинградской области, где он проводил каждое лето; не успел увидеть, как дочь станет актрисой. Вообще не успел постареть.

Успел много написать и издать, открыть в себе ещё один талант - литератора. Его пьесу "Александрия", написанную в стиле Чехова-Арбузова, играли на сцене. И успел именно то, к чему звала его душа в молодости, чему сопротивлялся долго. Из врачей, да ещё врачей космическо-авиационного профиля он ринулся в актёры. Правда, проверил себя в знаменитом театре Ленинградского университета, и те, кто видел его там, помнят до сих пор Бальзамина, Марата. В актёрскую профессию вскочил в последний момент и быстро нагнал и перегнал. Успел сыграть первого "сердитого" современника в "Жестоких играх" и последнего делового человека советской эпохи в "Последнем посетителе". Андрей Толубеев из такой актёрской семьи, что его ранние сомнения были вполне понятны. Юрий Владимирович Толубеев – великий актёр, из тех, кто не готовит себя к лицедейству, а сразу становится мастером, в одночасье. Актёр органической природы, с невероятной густоты и могучести голосом, крепкой мужской фактурой, гениальной интуицией, мастер реализма, Юрий Владимирович не мог, даже того не желая, не подавлять сына. Отставить медицину (окончив Военно-медицинскую академию), перейти от "игры" в театр в Университете к театру как искусству, воспротивившись даже желанию отца, до конца не верившего в наследственность

профессии – это главный поступок жизни. Надо признать, что Андрей Юрьевич, больше, чем окружающие, чувствовал себя в тени “кроны” Юрия Владимировича. Тем более, что часть актёрского таланта ему досталась от матери, Тамары Ивановны Алёшиной – лирической и светлой актрисы (в знаменитом “Небесном тихоходе” она играла роль Маши Светловой). Она прожила тихую жизнь и в искусстве (в Пушкинском театре) и вне его. Зажглась и потом светила неярким светом, но грусть в глазах и ямочки на щеках у Андрея Юрьевича были от неё. Честность и скромность в профессии, независимо от успеха и славы, заповеданные родителями, заставляли его жить, вдвойне оправдываясь – как актёра и как человека.

Не было в Толубееве крайностей актёрской профессии – мимолетного артистизма и мучительного самоистязания. Он был особенно хорош в тех ролях, где душа его и дух сопротивлялись. Он был актёром активного сопротивления. Я назвала бы его ещё трудным актёром. Он совсем не походил на ловцов ролей, тех, кто упоённо ждёт очередного выхода, в нём видит единственный смысл своей жизни, страдает от невостребованности, спасается в побочной работе. И дело не в том, что Толубеев не знал, что ему делать в свободное время (которого было немного), и не в том, что по наследству и по профессиональному и человеческому долгу он занят был на общественных должностях в Союзе театральных деятелей. Он “разбирался” с каждой новой ролью, видя в ней задачу, проблему, как разбирался и в деле о Доме ветеранов сцены, сказав однажды: “Пока я жив и занимаю это кресло, в котором сидел мой отец, Дом будет принадлежать актёрам”. Он сопротивлялся лицедейству, трансформации, он ждал убедительных мотивов, по которым можно было бы влезть в чужую шкуру – роль.

Ему не нравился матрос Алексей (это я знаю от него), роль, на которую Товстоногов ввёл его, тогда ещё молодого, в “Оптимистическую трагедию” 1980 года за две недели до премьеры. Но роль-то как раз получилась. Это был какой-то угрюмый, упрямый, честный человек, ничего весёлого ни в революции, ни в женщине-комиссаре не находивший. Свою душу, как и свою улыбку, Алексей никому не раскрывал. В нём было роковое предчувствие гибели всего полка, которое оправдывалось и оправдывало его экзистенциальное раздражение.

Не знаю, нравилась ли ему роль военного, полковника Кинчина в “Мотыльке”. Большая и занятная роль о тайном предназначении: вояка-профессионал, страдающий от грубости военного быта, некий слепок с чеховского или купринского офицера, штатского в мыслях, мечтающего о чём-то высоком, вдруг начинал репетировать Отелло под руководством рядового неизвестно какого пола. Шекспир наполнял содержанием жизнь этого советского неудачника с горячим сердцем, опять-таки спрятанном под толстым шинельным сукном. Там, в спектакле по пьесе Петра Гладилина, были эпизоды репетиций трагедии. Герой Толубеева (по замыслу авторов) сделал бы душу Отелло чувствительной, не затвердевшей в железе будней. Судьбы Отелло, Кинчина, и Толубеева должны были соприкоснуться. Сам же Андрей Юрьевич сыграл русский вариант Отелло иначе, куда более понятно и жёстко. Арбенин в “Маскараде” – думаю, большая и до конца не оценённая работа Толубеева. Немолодой деловой человек периода первоначального накопления – вот что они с Темуром Чхеидзе придумали. Современных вариантов такого человека хоть отбавляй в детективных сериалах (и сам он обаятельным недотёпой, хотя и не бандитом, был в “Криминальном таланте”). В “Маскараде” Толубеев заглянул туда, куда ни один серийный актёр заглянуть не успевает. “Дело” выжигает нутро начисто. Куда ни кинешь взгляд – пустота и ложь, ужимки “порядочности” и кривляния “женственности”. Стихотворную драму Толубеев ухитрился играть прозаически. Романтизм совместим с убийством по мотивам мнительности, ревности - у Лермонтова это красивая и чёрная связка. Арбенин Толубеева - здравомыслящий и расчётливый детектив на службе у самого себя. Романтичным оказывалось только его безумие – белый маскарад вокруг гроба, хрупкие звоны в воздухе – это уже за пределами жизни вообще. Арбенин в домашнем халате – какое снижение и какая жестокая правда. «Игрок» - исчерпывающе говорит о себе этот Арбенин. Игрок на бирже, хочется добавить.

Это не значит, что актёр всегда выбирал прозу. У него был особенный романтизм - сжатый в кулак, упрятанный за хмурым взглядом, никому не доступный. Он играл влюблённого Вурма в “Коварстве и любви”. Нет, не влюблённого, а любящего и несчастного. Это был “человек, одетый в чёрное”, с зализанными волосами, вылезавший на свет Божий, то есть на сцену, из люка. Из тьмы. Как будто являлся на землю обыкновенный Демон, нашедший здесь необыкновенное существо, ангела в лице безответной и мужественной Луизы. Толубеев из маски шиллеровского интригана сделал образ зла, повергнутого любовью. Он открывал и закрывал спектакль – и это было поручение действовать и говорить от себя, от умного и гордого Вурма. Ни жестом, ни интонацией Толубеев не “играл”. Но читалось всё: и непомерное честолюбие, и

ревность, и выдержка, чтобы стерпеть любое унижение и тем самым себя не уронить. Парик, сброшенный с головы, лицо, в которое выплеснуто вино из бокала, поднос, выбитый из рук – Вурм мертвел от ярости, и это понимали все, кто на него смотрел.

Толубеев был актёром и человеком с чувством собственного достоинства. Он работал с режиссёрами значительными и разными – Товстоноговым, Аксером, Чхеидзе. Он был им нужен именно таким – цельным, принципиальным на сцене, послушным и сдержанным. Товстоногов называл его “Андрюша”, что на первый взгляд не вязалось с обликом крепкого, взрослого Андрея Юрьевича, но по сути он был “Андрюшей”. Он был Нероном, Джоном Проктором, Томом, Лопахиным, Банко, Счастливым, Тальботом – и везде Толубеевым. Его сценическое обаяние располагало к нему в любой роли. Сомневаюсь, что Нерон – точное попадание. Или Нерон был неотразимым хитрецом более, чем отвратительным чудовищем. Тома в “Стеклянном зверинце” он играл, как и следовало по пьесе – через воспоминания плавающего и путешествующего Тома, давно оставившего дом, мать, сестру. Сцены с ними показывали Тома-юношу, который мягок, как воск в тёплых руках. Комизм Толубеева – это наивность, рассеянность, неуклюжесть, юмор – и не больше, ничего лишнего. Таким был Аркашка Счастливец, комик-простак, его путь не в Керчь или Вологду, а к пристани, где можно притулиться и успокоиться от бурной и беспорядочной актёрской жизни. Страстный Тальбот в “Марии Стюарт” – человек государственного ума, гуманист, примиритель, до последней возможности борющийся за целесообразность власти. Его Серж из “АРТа”, очаровательного спектакля на троих, не выделялся как знаток изящных искусств, но здравого смысла в нём хватало, чтобы не пасовать перед высоколобыми приятелями. Дружба – важнее, думал простодушный Серж.

Андрей Толубеев всегда был не только актёром. В его повести “Похороны царя” захоронение царских останков в Петропавловском соборе сопряжено с воспоминаниями о похоронах “диктатора”, императора театра Георгия Александровича Товстоногова. Смерть Товстоногова параллельна событиям совсем другого рода. Параллельна и противоположна – Толубеев хочет это доказать. В этом случае он историк с современным кругозором, с “уважением к истории”. Отрывок из повести, напечатанный в “Собирательном портрете” - в общем, не о Товстоногове. Скорее исповедь и покаяние актёра-человека, который в коллективном деле умел докопаться до своей личной вины и совеститься ею, несмотря на счастье для него этого самого пожизненного коллективного дела. Будучи глубоко порядочным человеком и по убеждениям демократом, он не решил для себя, нравственно ли соединение диктатуры и совершенства. Видел и совершенство, видел и диктатуру в одном лице. Простил второе ради первого. Потому что был Актёром.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ТОЛУБЕЕВА

Автор: Administrator
20.12.2009 18:11 -
